

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 2—4

(1933)

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Березкин, В. В Гюргенской долине. Очерк туркмено-курдского восстания в 1924—1926 г. с предисловием редколлегии СААНИУ и приложением географо-социально-экономического очерка Д. Русинова и 5 схем. ОГИЗ, Сред.-Аз. Отд. (Самарканд), 1931, 79 стр.

Рецензируемая брошюра состоит из трех совершенно самостоятельных и связанных только общностью темы частей: исследования Березкина, очерка Русинова и «марксистского предисловия», должностующего исправить ошибки обоих авторов; на деле получилось совсем другое — тт. Березкин и Русинов, при звании материала, слабо представляют себе основные категории марксистско-ленинской теории, а авторы предисловия, вооруженные методологически, повидимому, познакомились с фактами только в изложении тт. Березкина и Русинова. Поэтому, несмотря на предисловие, пытающееся вскрыть и исправить основные ошибки Березкина, утверждающего, что «в Персии у власти стоит компрадорская буржуазия», все же, в целом, брошюра оставляет в голове среднего советского читателя (а на него она, повидимому, и рассчитана) сумбурное и совершенно неверное представление о событиях в Гюргенской долине и о движущих силах туркмено-курдского восстания.

Однако, как сырой материал, добытый из различных разбросанных и мало доступных источников — сводок, обзоров, газет и т. п., кропотливая работа т. Березкина несомненно интересна, несмотря на все ошибочные утверждения автора.

Прежде всего вызывает сильное недоумение отправной тезис т. Березкина «Район восстания заселен инородцами: туркменами и курдами (разрядка наша. В. и Р.). Персы здесь составляют неприметное меньшинство и живут, главным образом, в городах» (стр. 11). Уж если понадобилось зачем-то воскре-

шать реакционный термин «инородцы», то, как видно из контекста, его следовало бы скорее употребить по отношению к персам, составляющим в этом районе, по словам самого-же автора, «неприметное меньшинство».

Нетрудно понять, почему, однако, в представлении т. Березкина «инородцами» оказалось именно коренное население края — туркмены и курды. Автор находится во власти обычной в таких случаях пан-иранской концепции, по которой и Хорасан и Туркестан являются исконными персидскими областями, лишь впоследствии заселенными «дикими и некультурными» кочевниками. Эта концепция, близкая к аналогичным «славянским» претензиям на Эльбу-Лабу, Кенигсберг-Королевец, Данциг-Гданск и т. д., достаточно характерна для Персии наших дней и вряд ли может быть с пользой для дела положена во главу угла исследования, претендующего на марксистскую марку.

Раз став на этот путь, т. Березкин не может уже с него сойти. Весь вопрос о «переселении» курдов в Хорасан, о вражде между туркменами и курдами рассматривается им сквозь пан-иранскую призму; если верить автору, то «персидское правительство, не имевшее достаточных сил для борьбы с туркменами, решило переселить в Хорасан из западной Персии несколько тысяч курдов, также отличавшихся храбростью» (sic!) (стр. 11) и «роль, которую персидское правительство возложило на курдов, переселенных в Хорасан, сама по себе определила упорную борьбу между туркменами и курдами» (стр. 15).

Совершенно понятно (для т. Березкина, конечно), что раз и туркмены и курды были чем-то таким, что можно простым фирманом шахиншаха переселить из района в район, вызывая между

ними упорную борьбу, заселять ими по усмотрению властей «исконные» персидские земли, то эти «инородцы» в противовес «культурным» владыкам и «законным» владельцам иранских земель должны находиться на крайне низкой ступени экономического и социального развития. Поэтому, хотя автор и вынужден в результате знакомства с материалом признать, что «к началу описываемых событий хозяйство туркмен в основном уже потеряло свой прежний натуральный характер и в известной степени пропиталось капиталистическими отношениями» (стр. 14), что у туркмен «во втором десятилетии XX в. появились высшие признаки (sic!) зарождения нации» (стр. 14), все же в основу исследования положен аксиомальный, по мнению т. Березкина, факт, что курды и туркмены переживали вплоть до последнего времени родовой строй и только, когда «в конце XIX столетия туркмены, занимавшиеся скотоводством, постепенно стали оседать на землю, одновременно с этим в среде туркмен начинают развиваться капиталистические отношения, зарождается торговый капитал» (стр. 13).

Еще резче подчеркивает это Русинов, который прямо пишет: «Процесс разложения родовой структуры задерживался и ограниченностью запасов богарных земель, в силу чего помуд не порывал окончательно связи со скотоводством» (стр. 65). То есть выходит, что скотоводство неизбежно является необходимым фактором родовой структуры и возможно только при этом последнем, и, таким образом, наши скотоводческие совхозы и колхозы тоже представляют образчик родовых взаимоотношений, а в крупных скотоводческих хозяйствах капиталистического мира, скажем в Америке, классовая борьба должна повидимому отсутствовать.

Допустить наличие феодальных отношений у «инородцев»-кочевников ни Березкин, ни Русинов не могут, хотя оба они приводят целый ряд фактов, свидетельствующих именно о феодализме: стоит взглянуть хотя бы на приводимую Русиновым схему уплачиваемых крестьянами налогов (стр. 72—73), чтобы понять, что пережитки родовой структуры не могли уже играть ведущей роли в этих районах. Стоит, наконец, процитировать место: «увеличивающаяся товарность сельского хозяйства влекла за собой дифференциацию деревни и обезземеливала мелкое крестьянство» (стр. 73) — это, когда речь идет о персах, населяющих этот район, но, конечно, как уже отмечалось выше, к «инородцам» подобные вещи не применимы, и им «по штату» положен родовой строй.

Совершенно понятно поэтому, что, располагая богатейшим фактическим материалом, т. Березкин оказался не в силах дать сколько-нибудь удовлетворительный анализ восстания и ограничился простым указанием на феодальные и капиталистические отношения и противоречия на фоне давно уже переставшего быть актуальным, но всемерно воскрешаемого и раскапываемого исследователем родовой структуры.

Авторы предисловия, не поняв в изложении Березкина реальных фактов туркмено-курдской действительности, поспешили обвинить его в том, что он говорит о капитализме и феодализме в родовом обществе — «создает свою собственную теорию о капиталистическом развитии туркмен».

«Итак, в туркменском обществе, — по Березкину, — имеется налицо: торговая буржуазия, феодалы и племенные вожди ... Надо ли говорить, что все эти социальные категории воплощаются

в одном лице», с вполне справедливым возмущением восклицают авторы предисловия, и читатель невольно становится втупик: кому верить — фактам ли, говорящим о наличии среди повстанцев феодальных и капиталистических отношений, или «теории», требующей от кочевника неизбежного для последнего, по мнению гг. Березкина и Русинова, родового строя.

Наряду с прочими важными проблемами, ни т. Русinov, ни тем более т. Березкин не дают ответа на причину смертельной вражды между кочевым туркменским и оседлым персидским населением в конкретных условиях Хорасана и Ср. Азии.

Однако, по этому вопросу существуют определенные материалы. Так, напр., в статье Н. Е. Кудрина — «Старый и молодой Иран. О причинах персидской революции» (Русское богатство, 1908, № 1, стр. 62—101) читаем: «Столько веков продолжавшиеся враждебные столкновения персов и туркмен на северовосточной границе Персии имели, напр., своею главною причиною распределение воды, сбегавшей с цепи Даман-и-Куха, воды, которую предприимчивые персы отводили в верхних долинах на свои поля, оставляя таким образом без орошения пастбища кочевников у подножья» (стр. 69).

То же встречаем у П. М. Лессара в «Сборнике материалов по Азии», 1883, VI, 5.

Кроме того следует отметить, что деление туркмен на оседлых и кочевых (чомуры и чарвы) чрезвычайно условно, и характер хозяйствования зависит, как это, напр., видно из материалов известного исследователя К. Боде (О туркменских поколениях, в Записках Русск. геогр. общ-ва, 1842, ч. II, стр. 21), также и от политических условий и даже

чисто внешних факторов (эпизоотии, падеж скота, наличие орошаемых земель и т. д.), а не исключительно лишь от степени социально-экономического развития, как изображают наши авторы.

Приложенная в конце брошюры коротенькая библиография доказывает, что авторы недостаточно глубоко проработали свою тему. Приходится надеяться, что актуальный вопрос о персидских туркменах будет в скором будущем подвергнут серьезной, обстоятельной разработке, для которой труды наших авторов послужат ценным фактическим материалом.

О. Вильчевский.

Ф. Ростопчин.

Черняковская, Е. Г. Хорасан и Сеистан. Ботанико-агрономический очерк Восточной Персии. Л., 1931, 271 стр. Отдельн. оттиск из «Трудов по прикладной ботанике, генетике и селекции», т. XXIII, 1929/1930.

Рассматриваемая работа является отчетом полугодовой экспедиции автора в Восточную Персию в 1925 г.

Е. Г. Черняковская сумела подойти к своей специальной теме достаточно широко: работа включает кроме ботанико-агрономического отдела несколько коротких главок, посвященных географическому и этнографическому описанию изученных районов и, главное, орошению, характеру земледелия и аграрному вопросу в Восточной Персии.

Автор останавливается на истории исследования Хорасана и Сеистана и приводит библиографию общей и специальной литературы на русском и западных языках, а также список важнейших карт Восточной Персии. Имеется карта Восточной Персии и пройденного экспедицией маршрута. В конце книги — список названий растений.